

УДК 81'27 (575.2)(04)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

В.К. Янцен

Рассматриваются особенности поведения языковой личности в процессе межкультурной коммуникации, а также анализируется природа межкультурного диалога в современных условиях.

Ключевые слова: межкультурный диалог идентификации; типы коммуникации; языковая личность.

В истории развития общества проблема идентификации личности занимает едва ли не центральное место, так как само существование человека во все времена зависело от того, насколько правильно он отождествлял себя с наиболее адекватным ему сообществом своих современников. На определенных этапах развития общества принадлежность человека к тому или иному коллективу детерминировалось “голосом крови”. “Мы с тобой одной крови”, – заявляет известный герой Р. Кипплинга, выражая в афористичной форме суть мировоззрения на проблему идентификации личности в исторически примитивных сообществах.

С аналогичной формой идентификации личности столкнулись российские моряки в конце прошлого века, когда прибыли в Новую Гвинею, где в XIX в. проводил свои исследования русский путешественник Миклухо-Маклай. Посетив деревню аборигенов, в которой жил Миклухо-Маклай, моряки на прощание сфотографировались с ее жителями. Каково же было их удивление, когда они обнаружили, что жители деревни, узнавая на фотографиях своих соплеменников, не опознавали на них самих себя. Этот случай можно рассматривать как пример этноидентификации, когда человек отличает “своих” от “чужих” по внешности, совместному проживанию, по принадлежности к определенной культуре поведения, быта, но при этом воспринимает себя глазами окружающих, не проявляя интереса к самому себе как индивиду. Его личность идентифицируется другими во вторую очередь; как писали классики марксизма, через восприятие и признание его своим в сообществе он осознает себя личностью в данном конкретном окружении.

Дальнейшее развитие человеческой личности было связано с повышением интереса человека к самому себе и тем самым – с ярко выраженным стремлением к самоидентификации [1]. В настоящее время в условиях усиливающихся миграционных процессов и усложнения общественно-политической и экономической жизни для современного человека самоидентификация часто становится проблемой выбора, от которого зависит судьба его самого и его близких, его положение в обществе, материальное благополучие, карьера.

Как утверждает К. Ясперс, человек свое существование связывает с наиболее рациональным, по его мнению, порядком. Существование этого порядка нельзя объяснить исходя исключительно из его природы. Чтобы удержаться в своей абсолютизации, оно нуждается в особом языке. Это может быть язык маскировки или язык возмущения. Использование того или другого языка определяется целями, которые ставит перед собой человек, включаясь в конкретные социальные отношения. С помощью языка человек выражает свое осознание общих исторических судеб с тем сообществом, к которому он, по его мнению, принадлежит, связывает свое происхождение с этнической родиной, территорией, причисляет себя к определенной культуре, наделяет себя конкретными национально-психологическими чертами [2].

Наблюдения исследователей последнего времени показывают, что наиболее сложным моментом самоидентификации для личности часто является выбор между национально-этнической и историко-культурной принадлежностью. И здесь мы опять, в первую очередь, сталкива-

емся с проблемой языка и национально-этнической принадлежности.

Поскольку культура, история даны человеку через язык и неразрывно связаны с языком, встает вопрос о том, в какой мере язык может быть признаком национальной принадлежности? Другими словами, можно ли только по языку определить национально-культурную принадлежность личности? Хотя эта проблема существует несколько столетий, однозначно решить ее пока не удастся. История знает немало примеров “раздвоения” личности в поисках своей самоидентификации. Достаточно вспомнить пушкинскую Татьяну Ларину, которая, по словам поэта, “по-русски плохо знала, журналов наших не читала и в семье своей родной казалась девочкой чужой”. Тем не менее одновременно Пушкин определяет Татьяну как русскую душу. Другим примером аналогичной раздвоенности могут служить многие русские декабристы. Все они считали себя русскими патриотами, сынами России, но многие из них либо плохо говорили по-русски, либо вовсе не знали русского языка, чему есть многочисленные исторические свидетельства.

В наше время можно встретить русских евреев, русских немцев, русских грузин, для которых родным языком является русский, но в то же время этнически они считают себя евреями, немцами, грузинами. Такого рода парадоксальные явления позволяют говорить о возможности существования в сознании человека двух личностей: лингвокультурной и этнокультурной. В зависимости от ситуации, поставленных целей человек может представлять перед обществом в одной из указанных ипостасях, подчеркивая свою лингвокультурную либо национально-культурную принадлежность [3].

Это дает основание предположить, что в современном обществе язык как определитель национальности личности далеко не всегда выполняет свои функции. Так, в СССР немцы стремились сохранить свою национальную идентичность. Это находило свое проявление в организации быта, поведении, принадлежности к определенным религиозным конфессиям, в сохранении национально-психологических черт, но при этом большая часть немецкого населения национальный язык утратила. В результате, в русском языке до сих пор бытуют такие выражения, как “немецкий дом”, т.е. дом, который построили немцы, проживавшие в СССР, “немецкая точность”, “немецкая аккуратность” и т.д., в то время как сами немцы, уехавшие в Германию, на своей исторической родине называются русскими немцами, т.е. полной

идентификации нынешнего поколения немцев-мигрантов из СССР пока не произошло. Причиной этого, скорее всего, является утрата бывшими советскими немцами не только национального языка, но и какой-то части национального и этнического самосознания.

В настоящее время в Кыргызстане происходят сложные процессы, связанные с этнической, национальной и лингвокультурной идентификацией значительной части населения. Наиболее четко основные противоречия этого процесса проявляются в языковой сфере. Языковая ситуация в стране представляет собой достаточно пеструю картину. Рассмотрим ее только в аспекте функционирования кыргызского и русского языков и взаимодействия связанных с ними историко-культурных представлений.

Кыргызский язык является родным для подавляющей части населения Кыргызстана. Для кыргызов, свободно владеющих кыргызским языком, проблем с этнокультурной идентификацией нет. Также свободно идентифицируют себя как кыргыза люди кыргызской национальности – билингвы. В то же время часть населения идентифицирует себя как кыргызы, хотя слабо владеет кыргызским языком. В основном, это жители крупных городов и населенных пунктов. Их этнокультурная самоидентификация часто критически воспринимается окружающими.

Русское население Кыргызстана самоидентифицируется в лингвокультурном и этнокультурном планах как русские, представители другого славянского населения (украинцы, белорусы) в лингвокультурном аспекте осознают свою лингвокультурную “русскость”, но в плане национально-этнической принадлежности считают себя украинцами и белорусами.

Сферы употребления кыргызского и русского языков в Кыргызстане исторически формировались в XX в., главным образом, в результате языковой политики, которую централизованно проводило политическое руководство СССР. Со временем это привело к доминированию русского языка как средства межнационального общения. В 80-е гг. прошлого века был взят курс на развитие кыргызско-русского и русско-кыргызского двуязычия. Однако его проведение столкнулось с серьезными трудностями, причиной которых стали социально-политические изменения в стране, приведшие к суверенизации Кыргызстана. В настоящее время в стране конституционно оформлено некоторое подобие паритета в области функционирования двух языков. Кроме государственного кыргызского языка, законо-

дательно было закреплено употребление русского языка в качестве официального.

В итоге, нынешнюю языковую ситуацию можно определить как многоязычие сложной конфигурации [4]. Так, выделяются в порядке уменьшения объема следующие лингвокультурные группы:

- 1) одноязычная кыргызская группа населения. Ее численность имеет тенденцию к постоянному росту;
- 2) двуязычная кыргызско-русская группа. Подавляющее ее большинство составляют кыргызы-билингвы. Среди русского населения только 2% считают кыргызский язык вторым родным языком. Численность этой группы относительно стабильная;
- 3) одноязычная русская группа населения, имеющая тенденцию к сокращению.

Выделение этих групп основывается на способности человека к активной речемыслительной деятельности по нормам и законам этноязыковой культуры. С этой точки зрения, по данным 2004 г. в Кыргызстане из пяти млн человек 1,5 заявили, что активно владеют русским языком, 1,5 оценили владение русским языком как пассивное, 2 сказали, что русским языком не владеют.

В коммуникативной сфере такая лингвистическая дифференциация населения Кыргызстана привела к формированию двух типов многоязычия: билингвизма и диглоссии. Билингвизм, в основном, представлен в государственно-административном управлении, школьном и профессиональном образовании, науке и культуре. При этом билингвами являются кыргызы. Доля русских билингвов, как отмечалось выше, остается незначительной. Диглоссия как форма коммуникации чаще всего встречается в бытовом общении, торговле, сфере услуг и бизнесе. В этом случае говорящий выбирает язык общения в зависимости от конкретных условий и целей. Поскольку этот вид коммуникации обычно носит прагматический характер и не требует всестороннего и глубокого знания языка, доля русского населения среди ее участников значительно выше в сравнении с билингвизмом.

Такое использование языков делает языковую ситуацию неустойчивой. Поэтому постоянно предпринимаются попытки сделать ее более однозначной. Для этого кыргызский и русские языки используются, следуя терминологии К. Ясперса,

как в целях маскировки, т.е. для придания языковой ситуации стабильности, так и в целях возмущения, направленного на разрушение сложившихся форм многоязычия. Эти тенденции в Кыргызстане по-разному проявляются в диглоссии и билингвизме.

В диглоссии выбор языка обусловлен чаще всего конкретной ситуацией и ситуационным интересом участников речевого акта. Так, продавец-кыргыз предпочитает разговаривать с русским покупателем по-русски, потому что при этом у него повышаются шансы продать товар. Точно так же русский покупатель предпочитает торговаться с продавцом-кыргызом на кыргызском языке, так как знает, что, поступая так, он быстрее получит выгоду.

Более сложные и противоречивые явления встречаются сегодня в билингвизме, когда языки часто становятся средством манипуляции общественным мнением. Можно отметить случаи, когда политики, чиновники в стремлении получить больше власти, выгоды или лоббируя интересы своего окружения, требуют расширения сферы употребления кыргызского языка и установления фактически одноязычия, маскируя при этом свои намерения ссылками на заветы отцов нации, героев национальных эпосов, уроки истории и др.

Защитники русского языка, в свою очередь, раскачивая языковую ситуацию, возмущают своих сторонников фактическими и гипотетическими примерами ущемления их гражданских прав и свобод и возможной угрозой изоляции страны от русского и, тем самым, европейского мира.

В такой обстановке трудно добиться консенсуса, и потому будущее развитие языковой ситуации в кыргызстанском обществе остается плохо предсказуемым, по причине чего определенная часть населения Кыргызстана будет испытывать трудности в лингвокультурной идентификации.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Собрание сочинений. 2-е изд. М., 1955–1981. Т. 3.
2. Ясперс К. Общая психология: [электронный ресурс]: // URL: <http://psilib.org.ua/books/jaspk01/>
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
4. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., Наука, 1992.